

Всё новое начинается с проекта!

ПРЕАМБУЛА

Когда обычно говорят об эволюции, то подразумевают в основном под этим поступательный характер развития жизни на нашей планете. Хотя начинать, конечно, лучше бы с космоса. Тем более что концепции типа "Земля - пуп Вселенной" (или хоть коим-то образом приближена к ее центру) не находят пока значительной поддержки среди специалистов. К тому же в пользу панспермической версии свидетельствуют и структурное сканирование найденных метеоритных фрагментов, в которых то и дело выявляются отчетливые отпечатки бактерий, а иногда даже грибов и водорослей.

В действительности ведь микроэволюционные процессы, обусловленные самоорганизацией, идут в природе на всех уровнях. И при этом, кстати говоря, у нас с вами есть серьезные основания предполагать, что они продолжают и поныне. Хотя, с другой стороны, на их долю приходится заведомо меньше 5% каких-либо видовых изменений. Причём в роли главных движущих сил могут тут выступать как неоламаркистское наследование, так и банальный отбор, ну а для наиболее примитивных существ – любые формы самоорганизации с преимущественным участием тонких структур. То есть получается, что общая качественная картина земного прогресса на «добрых» 90% определена именно макроскачками, которые, в свою очередь, инициируются лишь во время каких-то экстраординарных космических или геофизических катаклизмов. Тогда как всё прочее (включая колебания цвета и размера, остановку на личиночной стадии, инволютивное «соскальзывание» назад и т.п.) реализуется обычно путем дифференцированной экспрессии генов, а также благодаря редким, но метким положительным хромосомным aberrациям, ну или, в конце концов, как результат сквозного и непрерывного вирусно-латерального круговорота.

I.

Кстати, если уж внимательно тут разобраться, то почти все существующие сейчас законы физики, химии и биологии (а особенно – последние из них) по праву могут считаться самым ярким и наглядным примером универсальности самоорганизационных процессов, ибо все они, так или иначе, связаны с движением. А как известно, именно упорядоченное движение лежит в основе знаменитых «нобелевских» открытий Хакена и Пригожина.

Причем, поскольку как информация, так и самоорганизация имеют прямое отношение к упорядоченности - то, видимо, это звенья некоего общевселенского механизма. С той лишь условной разницей (на уровне, скорее, обыденной терминологии), что информоны появились сразу же после Большого Взрыва, тогда как о реальной микроэволюционной самоорганизации можно вести речь только в привязке к возникновению феномена сохраняющейся на альтернативных носителях

«родовой» памяти. Хотя, в принципе, отнюдь не все ученые с этим соглашаются (как, кстати, и с очевидностью довольно-таки странной, на первый взгляд, видообразовательной депрессии в последнюю геологическую эпоху).

Но, впрочем, указанный камень преткновения преодолеваем сравнительно еще легко - чего явно не скажешь об извечном беспредметном споре между идейными поборниками креационизма и дарвинизма. Ведь со стороны он иногда даже чем-то напоминает словесную перепалку двух подвыпивших «глухарей», совершенно не внимающих маломальским доводам собственного оппонента. Так, в частности, не секрет, что главный козырь креационистов – это как раз, пожалуй, упорядоченность видообразовательного процесса во времени (косвенно подтверждаемая повествованием из первой библейской книги - "Бытие"). Но зато уж весьма прискорбный минус – какое-то сумбурно-бессистемное нагромождение этих же видов в пространстве (тут и размытость переходов, и никому, казалось бы, не нужный паразитизм, и обилие тупиковых вариантов, и даже само по себе невероятное количество общей живой массы).

Хотя и внутри этого течения существуют две заметно обособленных тактических группировки, одна из которых (именуемая апологетами) опирается всё же таки на определенные накопленные официальной наукой факты, истолковывая их, правда, затем сугубо по-своему. В то время как другая, кроме Святого Писания, абсолютно ничего уже признавать не хочет и не желает. А впрочем, само уж собой разумеется, личные авторские симпатии явно не на их стороне.

Ну а что касается актуальных для нас апологетических подходов, то помимо традиционного направляемого извне облигатного космогенеза, тут возможна еще одна любопытная версия, которая могла бы послужить в качестве спасительной соломинки для установления истины. Речь идет о непосредственном участии неких божеств-пранофитов в создании наиболее, скажем так, востребованных форм живого. Тогда как образующиеся после этого вакантные ниши лишь спустя какой-то солидный временной диапазон устранялись бы, допустим, за счёт интерференции (т.е. пассивного их заполнения всяческими случайными помесями, мутантами и тому подобными «самосевками»).

Если же говорить о жестком ортодоксальном крыле, то сколь-нибудь строго опровергнуть большинство наивно-креационистских построений на языке науки, по существу, невозможно, да и бесполезно - как, в общем-то, и всё остальное, что относится к вопросам веры. Ибо в любой удобный момент этими пресловутыми клерикалами может быть вставлен простецкий, но зато «весьма убедительный» контрдовод: "А вот нашему богу захотелось, чтоб было именно так, а не иначе!" Поэтому на повседневном уровне с отъявленным дремучим креационизмом справиться бывает отнюдь, увы, нелегко: ведь здравый смысл, в отличие от четких логических формулировок, понятие довольно-таки спекулятивное.

Издавна нам почти безапелляционно навязывали идею, будто единственной достойной альтернативой подобному твердолобому клериканству может служить учение Дарвина о естественном и случайном (т.е. нецеленаправленном) развитии живой природы. По крайней мере, многие из нас усвоили его чуть ли не как главную научную аксиому. И хотя после приснопамятного английского бородача-путешественника со своими оригинальными содержательными версиями в разное время выступали и Л.С.Берг, и А.А.Любищев, и И.Р.Пригожин, и А.Лима де Фариа - во всех средних школах по-прежнему из года в год ничтоже сумняшеся муссируют все те же изрядно заплесневевшие вульгарно-материалистические догматы. Именно поэтому мы решили привести тут сперва пару независимых авторских опровержений, после которых можно уже будет, судя по всему, поставить под дарвинизмом окончательную жирную точку.

Реплика 1. Из палеонтологических летописей известен феномен клиновидности эволюции. Он обусловлен тем, что с течением времени образуется все меньшее количество новых видов, а после прихода на историческую авансцену Homo sapiens'a данный процесс вообще как бы уже замер. То есть, иными словами, если разметить по оси абсцисс интенсивность видообразования, а по оси ординат время, то условный клин будет направлен острием вверх. Однако как же трактуют это обстоятельство дарвинисты? Представьте себе, весьма спокойно: они утверждают, что с каждой геологической эпохой на земном шаре все меньше остается свободных ниш, которые могли бы быть заняты вновь появляющимися видами. На первый взгляд, и в самом деле довод достаточно убедительный: зародившись под водой, жизнь в дальнейшем перекочевала на сушу, а затем и в воздушное пространство. После чего настала ужасная теснотища даже для старых особей, а новые и вовсе мгновенно погибали уже на заре своего существования. Что ж, вроде бы, всё просто и ясно! Но есть тут, оказывается, одна небольшая заковырка. Ведь до самого последнего времени любые неизвестные ранее виды появлялись "на свет божий" в облике миниатюрных одноклеточных комочков, беззастенчиво поедаемых хищным конкурирующим окружением. И только вот сравнительно недавно - начиная с высших хордовых - они уже наконец приобрели себе надежную защиту: скорлупу (птицы, пресмыкающиеся) или даже материнское лоно (млекопитающие). Аналогичная, в общем-то, ситуация и с цветковыми растениями, размножающимися при помощи редуцированных гаметофитов. Так что как раз с этой точки зрения все должно происходить ровным счетом наоборот: именно сейчас от родителей-тигров активно должны б рождаться сверхтигры, от родителей-львов - сверхльвы, образовываться более развитые усовершенствованные модификации среди представителей растительного мира и т.д. Но ведь ничего подобного в реальной жизни почему-то пока не наблюдается!.. Что, по идее, может означать лишь одно - наложение неких жестких внешних ограничений на априорно целесообразную земную изменчивость. А, как мы знаем, любое упоминание о внешней созидательной

силе концептуально несовместимо со взглядами современных дарвинистов.

Реплика 2. Опять же таки на основании надежных палеонтологических источников установлено так называемое правило неповторяемости эволюции - «закон Долло». Суть его состоит в том, что если на каком-то этапе вид исчезает, то он уже никогда не способен будет больше возродиться снова. Это действительно очень веский и знаменательный факт, особенно с учетом многомиллионного полиморфизма всей известной науке планетарной биоты - как ныне благоденствующей, так и бесследно вымершей. Отсюда же непосредственно вытекает другой, более важный для нас закон - о принципиальной необратимости эволюции. То есть, если даже, допустим, вдруг погибнут все шимпанзе и освободится соответствующая экологическая ниша, обратный процесс от человека к обезьянам все равно будет неосуществим. Точно так же черви никогда уже не вернуться к амебам, а высшие растения - к водорослям. Но ведь это прямо противоречит симметричности задекларированного дарвинистами случайного поступательного развития. Ибо любой мутационный сдвиг должен быть, по сути, равновероятным в обоих своих направлениях: если 14-я пара хромосом наскочила когда-то на 13-ю (что, как известно, имело место при образовании древнейших перволюдей от вышеупомянутых шимпанзе), то с тем же точно успехом она может с нее и спрыгнуть. Однако этого, увы, на самом деле не происходит. Короче говоря, данное обстоятельство лишний раз подтверждает строго закономерный характер анатомо-морфологических изменений в природе, в то время как последователи Дарвина в основе всего видят слепые неупорядоченные мутации.

II.

Итак, теперь на очищенной от былых предрассудков платформе можно попытаться построить качественно обновлённую концепцию, которая бы объективно отражала свежайшие накопленные на сегодняшний день научные данные. В соответствии с ней, за главную движущую силу эволюции будет принят ментал - невидимая "субтильная" сфера, присутствующая per default почти у всех живых существ. О том, что она имеется у человека, красноречиво, в частности, свидетельствуют различные духовные опыты индийских йогов и прочих медитаторов, способных в состоянии искусственного транса общаться не только со своими далекими коллегами, но и с животными, растениями и даже якобы с ушедшими уже от нас предками. Хотя, по идее, сюда заодно можно было бы отнести и успешные эксперименты доктора Дзяна, чудеса филиппинских хилеров, а также множество поразительных случаев самовосстановления плода (хорошо известных из биологии индивидуального развития).

Именно ментал представляет собой творческий (т.е. информационный) фактор, причем как отдельной особи, так и филогенетического древа в целом. Правда, о его наличии у низших таксонов, в том числе у прокариот и простейших, можно судить лишь по неким косвенным признакам. Речь, в частности, идет о

труднопостижимой способности этих крохотных микроорганизмов, начисто лишенных каких бы то ни было намеков на нервную систему, к действительно-практическому тренингу. Откуда уже, в общем-то, можно сделать вывод, что ментал - это как бы своеобразный реликт донервной регуляции, передаваемый от предка к потомку через генеративные клетки, а кроме того, и неуклонно обогащающийся за счет накопления любой эмоционально значимой информации извне. Но все эти качественные позитивы не входят в сферу сознания и долговременной памяти и уж подавно не в силах изменить конкретных схем развития в онтогенезе. Так что совершенно очевидно, что тут без мощных природных посредников никак не обойтись - независимо даже от того, касается это малозаметных микроэволюционных изменений или же глобальных мегаскачков. И вот как раз и в том и в другом случае в роли подобных агентов выступают хорошо знакомые нам вирусы (и прежде всего - их особая «доместицированная» разновидность – транспозоны), работающие в тесной связке со своими прямыми иерархическими повелителями, о которых речь еще впереди. Хотя, с другой стороны, здесь необходимо всё же уточнить, что проектирование кардинальных организменных сдвигов осуществляется, по-видимому, через единую вселенскую ноосферу*, где именно с этой целью тщательно фильтруется и потом уже заново распределяется огромное множество попадающих сюда посмертных тонколептонных образов.

Но вместе с тем сам по себе факт нынешнего весьма странного торможения эволюции на антропогенной стадии вынуждает нас выдвинуть версию об участии в этом процессе еще какого-то очень важного промежуточного звена. Поэтому, думается, самое время переходить уже к описанию вириссимусов - вторых по актуальности агентов, ответственных за интерпретацию накопленных менталом данных. Итак, вириссимусы это непосредственные эволюционные потомки тех нанобов и правироидов, которые стояли у истоков развития биологической жизни во Вселенной. Поскольку же эти безбелковые (а значит, естественно, и неклеточные) существа прогрессировали путем банального накопительно-репликативного увеличения числа нуклеотидов, то отсюда не стоит и удивляться отсутствию достоверных ископаемых находок, которые бы подтверждали былую их господствующую роль на Земле. В принципе, детальнее о них шла речь в предыдущих авторских работах; а здесь пока надо, пожалуй, отметить лишь главное: во-первых, их неограниченную власть над вирусами, ну и, во-вторых, то, что, видимо, сравнительно недавно они вынуждены были навсегда покинуть пределы нашей планеты.

И вот тут-то уже постепенно проясняется и весь последовательный механизм любых наблюдаемых в природе позитивных преобразований. А именно: полезные эмоциональные впечатления, накопленные в онтогенезе менталом, служат информационной базой для усовершенствования и оттачивания основных поведенческих рефлексов у данного вида. В качестве же переносчиков

спроектированных геномных инноваций от ноосферы к молекулам ДНК служат наши извечные соседи по планете - вирусы (плюс к тому же – что отнюдь не исключено – нанобы, вириды и прионы). Попутно уточним здесь, к слову, что хотя само участие вирусов в горизонтальном информационном переносе ранее в серьёзных научных кругах уже довольно-таки широко обсуждалось, но однако к «вертикальной» их активности это, между тем, не имело конкретной привязки**.

Впрочем, отдельные эпохальные макроскачки, как то: превращение чешуи в перо, а передних лап в крылья, возникновение речи и способности к абстрагированию - были бы, судя по всему, невозможны без задействования в этом (наряду, естественно, с коллективной космической ноосферой) и свободноживущих вирицимусов.

Ну и, наконец, пресловутое явление паразитизма, как, в принципе, и некоторые иные тривиальные формы микроэволюции (полиплоидия, педоморфоз, да и всевозможные колебания размеров и цвета, выходящие уже *per se* за рамки видового диапазона) совершенно легко обосновываются при помощи традиционных дарвинистских построений. И в том числе, кстати говоря, - за счет случайных или направленных мутаций, потенцируемых причём непрерывными генными информопотоками.

Но, кроме того, необходимо также здесь учитывать, что в раннюю земную эпоху (а тем более – при отсутствии тогда еще привычных для нас скачков) среди представителей растительно-животного сообщества наверняка ведь практиковались и какие-то другие рычаги видового прогресса. Сказанное прежде всего касается авторской концепции энфорсогенеза, а также, пошагового, нейро-диффузного, протеинового и акселеративного векторов эволюционного развития. Первая из них подразумевает, в частности, обязательное (и в этом ее коренное отличие от куда более мягкой Ламарковской формулировки) унаследование всех благоприобретенных родительских свойств прямыми жизнеспособными потомками. Что ж до других потенциальных вариантов, то они довольно исчерпывающе были уже рассмотрены мною ранее.

III.

Наблюдения за ходом земной эволюции позволяют сформулировать нам закон чрезпарного /синонимы: *перемежающегося, триадного/* подобия. Практическая его ценность в том, что он раскрывает горизонты познания, давая возможность проникать в такие сферы, которые пока ещё недоступны для целевых лабораторных исследований. Особенно это касается начальных этапов всеобщего природного развития, так как грядущее с его близкими к совершенству эволюционными макроструктурами, по идее, вполне прогнозируемо и с помощью иных, хорошо уже испытанных средств.

Вкратце сущность закона перемежающегося подобия можно сформулировать так: каждая новая система появляется на свет из субъединиц предшествующей ей

системы согласно плану (или, если угодно, алгоритму), апробированному на иерархически еще более ранних ступенях. Именно речь идёт лишь об общем сценарии построения, так как любая попытка узреть в ретроспективных биоконструктах некоего прямого предка ныне живущих видов будет выглядеть мистической и даже комичной. В частности, скажем, придется признать, что человеческая ДНК произошла от ванадия, а клетка - от какого-то его сложного водородного соединения наподобие гидрида. На самом же деле человеческая клетка имеет конкретное генетическое родство только с соответствующими хромосомами и митохондриями, но первые диплоидно удвоились в результате встречи и конъюгации двух гаплоидных клеток (т.е. по примеру образования двухатомных молекул простых веществ); а вторые присоединились по периферии подобно ионам водорода в молекуле этилена.

Сопоставляя указанный закон с теми или иными расхожими теориями, как, впрочем, и с феноменами, поддающимися непосредственному наблюдению, мы имеем возможность кое-что уточнить и корректировать в этих общепринятых ныне концепциях (особенно что касается структур и процессов, царящих в недоступном для нашего невооружённого глаза микромире). Так, например, мы можем с полной уверенностью подтвердить, что протон и нейтрон по числу и характеру составляющих их субчастиц действительно внешне мало чем отличаются друг от друга. Но вместе с тем, как всем известно, время жизни нейтрона в свободном состоянии несоизмеримо короче, чем у его ядерного «собрата»; а значит - главная загвоздка тут в неких специфических минус-факторах, усугубляющих горькую участь первых из них (либо – что, вообще говоря, куда менее реально – как-то «покровительствующих» вторым). И причем факторы эти наверняка уж являются «*adduxistis deforis*»; хотя, правда, данное обстоятельство может быть, кроме того, вызвано и неустойчивостью определённого сочетания монад (т.е. по сути дела – кварков) или же, допустим, их различным положением в пространстве. Однако если принять во внимание способность чудотворцев обходить (путём посылки волевых импульсов) законы гравитации, пренебрегая порой даже внутриядерными «сильными связями», то, пожалуй, придётся-таки в итоге согласиться с версией о лептонной природе подобных взаимодействий.

Далее, отчётливо видно, что каждая монада имеет по крайней мере три независимых характеристики, не считая межгендерной полярности, обуславливающей взаимное попарное притяжение между ними; что все они могут излучать и поглощать энергию; что взаимодействие между монадами в кварковых тройках на много порядков сильнее, чем их смежные связи в ядре.

Представляет известный интерес тот факт, что одни аналоги изотопного водорода сворачиваются в кольца, совершенно однозначно переходя при этом к сугубо созерцательному "modus vivendi". Другие же - линейные - характерными представителями которых являются всемогущие вирусы, ведут гиперактивный, чуть

ли не пиратский образ жизни, обеспечивая попутно и сквозной генетический_ круговорот на уровне биосферы. Формальных причин здесь можно отыскать несколько: первые (кольцевые) ДНК входят в состав клеточных структур, у вторых же в этом плане достаточная самостоятельность. У них отсутствуют плюс ко всему и гистоновые октамеры, что тоже способно повлиять на пространственную конфигурацию и основные характеристики вирусных кислот. Но истинная причина, как правило, одна - и вот она-то, увы, от нас и скрыта.

Кстати, нематоды, геномы которых построены аналогично простейшим водородным молекулам, процветают во всех частях света и в любых средах; но, как и сами эти молекулы, они тоже (в отличие от нордически стойких кристаллоподобных вирусов) отнюдь не вечны. То есть какие-то чёткие направляющие особенности строения как субатомных, так и субмолекулярных структур обязательно должны здесь присутствовать!

IV.

Однако структурно-иерархический прогресс не стоит на месте. И если на теплой Земле полноправными хозяевами положения были РНК, то сейчас уже таковыми стали чуть-чуть укороченные (по сахару), но зато уж куда более прочные и разветвленные (по общей массе) их нуклеотидные преемники. Например, для прицельной топической идентификации у человека ведущей регуляторной хромосомы сегодня необходимо прежде всего досконально разобраться с нашим видоспецифичным эпигеномом и родственным ему кластером белкового гомеоблока. Поскольку же обе эти структуры, по имеющимся данным, полнее всего представлены во 2-й хромосоме, то именно на нее и следует, очевидно, указать как на подлинного командного лидера клетки. Но это еще не всё. Ибо любой без исключения хромосоме присущ феномен одушевленности, реализуемый через обладание собственным «Я». Которое, кстати, по своим структурным параметрам вряд ли может быть объёмистей вышеозначенного кластера, но в то же время заведомо должно содержать в себе (или хотя бы потенциально кодировать) поликомб-белки, микро-РНК и другие важнейшие рычаги прямого управленческого воздействия. Таким образом, по ходу интерфазы главный геномный локус связывается, рассылая свои целевые директивы, прежде всего с главными генами периферийных хромосом, а те уже переадресовывают его команды дальше - согласно служебному предназначению. При этом единственным более-менее реальным типом связи следует в данном случае признать, судя по всему, звук. Хотя какими бы, в конце концов, ни были передаваемые сигналы: виброакустическими, биоимпульсными, электромагнитными или даже экстрасенсорными, - вряд ли это способно играть здесь некую существенную роль.

Но вообще-то для успешного решения загадки земной цивилизации гораздо разумней было бы предварительно очертить ряд постановочных задач, дабы не тратить драгоценное время и деньги впустую. Ведь одни эпизоды из жизни РНК происходили на их галактической родине, другие были вызваны эволюционным

скачком (являющимся, как известно, чрезвычайным событием), третьи требуют долгих и кропотливых наблюдений, измеряемых веками и тысячелетиями; и лишь, по крайней мере, четвертая их часть может быть воссоздана в режиме максимальной приближенности к ранним планетарным условиям. Да и то – нельзя здесь игнорировать того обстоятельства, что нынешние РНК могут коренным образом отличаться от «теплоземельных», причем не только по своей структуре (что, видимо, ни у кого уже не вызывает сомнений), но и по самим рабочим функциям и параметрам. Во-первых, не исключено, что в бесферментной среде их жизнь, ну и, соответственно, эволюция протекала в очень замедленном темпе. А во-вторых, под жесткой ДНКовой пятой большинство из них могло если и не деградировать (как, скажем, транспортная РНК), то пускай и просто даже «подзабыть» свою родословную, в том числе - былые качества, умения, связи и т.п. Поэтому прежде всего нужно сосредоточить здесь исследовательские усилия на свободных супермолекулах: например, виридных, безбелковых, а еще лучше – внеклеточных, т.е. искусственно синтезированных. Хотя и не забывая в то же время, разумеется, и о малых РНК (роль которых сопоставима с культовой деятельностью в нашем обществе священников, экстрасенсов и шаманов), а также и о тех, которые переносятся из клетки в клетку автономно от хромосом.

Но, впрочем, тут остается пока еще не вполне понятным сам механизм возникновения одушевленности из ранее косных, казалось бы, первокирпичиков (как на уровне предмитозной репликации, так и при зеркальном клонировании). Ответ на этот вопрос стоит, очевидно, поискать либо в древней как мир виталистической доктрине, либо в придании жизнеутверждающего начала одной из полевых сущностей (оболочек). То есть, скорее всего, соответствующие ядерные компоненты (и в том числе, кстати, ДНК как аналоги будущих наших всесильных хозяев-футуроидов) вообще не обладают менталом, хотя при подобном раскладе их даже и трудно, увы, назвать по-настоящему живыми. Однако в любом случае непосредственными иерархическими предшественниками *Hominis sapiens* (как и большинства земных организмов) являются именно информационные и рибосомные РНК (рибозимы)!

Краткое завершающее резюме.

Итак, теперь, пожалуй, настало время подвести уже окончательные результаты авторских изысканий, т. е. попросту говоря – ответить на вопрос, какие же полезные для науки выводы и умозаключения могли б отсюда, в принципе, последовать.

1. По сути дела, хорошо, вроде бы, всем нам знакомый Гегелевский закон перехода количественных изменений в качественные носит, во-первых, односторонний (а именно – необходимый) характер; ну и, кроме того, требует еще определенных доработок. Причем в усовершенствованном варианте он мог бы выглядеть примерно

так: «Вероятность перехода количественных изменений в качественные тем выше, чем динамичней самоорганизация данной системы».

То есть весомую роль способна тут сыграть не только интенсивность (пресыщенность) накопительных процессов, но и сама их быстрота. И хотя чаще всего этот переход реализуется с помощью воздействия (пусть даже малозаметного) извне, но иногда (скажем, в запаянном сосуде, в каком-то конкретно взятом государстве и т.п.) всё может решиться и за счет внутренних флуктуаций.

2. Эволюция (а особенно с приставкой «микро-») земной флоры и фауны протекала аутогенетически по схеме «Т-фактор (творческий) → С-фактор (стабилизирующий) → сома (и прежде всего, конечно, белки)». Причем под Т-фактором тут следует подразумевать ментал.

Что же касается древнейшего перехода от протистов к многоклеточным, то он мог, в частности, произойти посредством замыкания отдельных пока еще разрозненных менталов из некой волатильной (т.е. функционально нестойкой) колонии в единый сверх-ментал.

Таким образом, в нашем случае организменный ортогенез правильной всего было бы рассматривать именно под углом поступательного развёртывания видовых признаков с учетом накопленной уже ранее информации. И как раз в этом состоит главное его идейное отличие от созвучной теории Л.С.Берга!

3. Вполне естественно было бы тут а priori допустить, что на заре земного существования практиковались в основном какие-то самые элементарные ламаркистские рычаги, а уже позже, с накоплением надлежащего посмертного багажа, к ним присоединился и лептонный метемпсихоз.

4. Три мало зависящих друг от друга, но одинаково странных обстоятельства (незадействованность 90% человеческого генома, поведенческая тактика виридов и успешные эксперименты по оживлению искусственно собранного вирусного гепатита) волей-неволей подталкивают к этаким ошеломительной и почти асоциальной версии, что в наших балластных генах находится информация об обслуживании нагло проникающих извне вредоносных микро-дармоедов. Так что теперь предстоит лишь установить подлинный эволюционный смысл столь одиозного сродства. То есть в конечном итоге вовсе не исключено, что многоклеточные организмы проектировались и создавались ноосферой именно по четкому целевому заказу кровно заинтересованных в надежной жилищно-кормовой базе поистине вездесущих вирусов, микробов и прочих заведомо эгоцентричных прокариот.

5. Объективно говоря, практически все известные нам случаи паразитизма, симбиоза, неотении, педогенеза и др., в принципе, довольно-таки легко объяснить и традиционным дарвинистским путем, т.е. на уровне, допустим, выборочной экспрессии генов или же как результат каких-то глубоко «укоренившихся» уже хромосомных aberrаций. Хотя, что касается самой возможности видового прогресса,

то она при этом, увы, весьма и весьма сомнительна (по крайней мере, в нынешнюю эпоху).

6. Общеизвестный палеонтологический феномен роста частоты полезных преобразований с переходом от популяционной поведенческой модели к сугубо индивидуальной так или иначе свидетельствует в пользу вероятного наличия тут алгоритма обратной связи, реализуемого при улетучивании душ умерших организмов. Но всё же у этой вполне здоровой и даже как бы напрашивающейся неоламаркистской версии есть, впрочем, и другая достойная альтернатива. А именно: первая не совсем обычная особь может появиться на свет и спонтанно, однако (вопреки, кстати, Дарвиновскому представлению!) она не потеряется потом «без следа и следствия», а запомнится благодаря всё тем же как раз посмертным эманациям.

7. В ходе проведенных автором многолетних теоретических изысканий был сформулирован исключительно важный закон глобального эволюционного процесса, названный в дальнейшем принципом чрезпарного (перемежающегося) подобию. Более того, в действительности, как выяснилось, он применим для абсолютно любых природных объектов - независимо от нынешней фазы их развития и сложности.

8. Если говорить о неких отдаленных перспективах иерархических потомков ДНК (футуроидов), то здесь существует три возможных варианта:

а) итог генно-инженерных вмешательств самого же человека (хотя в это, правда, верится с превеликим трудом);

б) результат очередного (и, судя по всему, последнего) эволюционного скачка;

в) своеобразный «крысиный король» из хакеров, коммутирующих между собой благодаря встроенным в организм чипам: это, несомненно, одна из наиболее реалистичных гипотез.

Ну и, наконец, на роль супервайзеров могут тут претендовать как вириссимусы, так и любые инопланетяне, непосредственно поучаствовавшие когда-то в заселении Земли или имеющие хотя бы общее родословное древо, но опередившие нас в развитии.

Сноска*. Но, правда, речь тут идет о ноосфере именно в авторской (а не в изначальной Шарденовкой) трактовке данного понятия – как о рассеянном в пределах близлежащего космоса гигантском биокомпьютере, действующем хоть и медленней по сравнению с нынешними ЭВМ, но вместе с тем обладающем пока куда большей силой и влиянием на судьбу всех современных цивилизаций!

Сноска.** То есть имеется в виду: на момент публичного обнародования вышеуказанной гипотезы (см. "Опыт философского осмысления противоречий современной науки" – Киев, изд. «Эсперанца», 1994 г.)

Э.Э.Аишурский